

Элен Ош

ЭСКОРТНИЦА

поневоле

Элен Ош

Эскортница поневоле

«Литнет»

2026

Ош Э.

Эскортница поневоле / Э. Ош — «Литнет», 2026

— Будешь драться — привяжу, — прорычал мне в лицо, утирая кровь со щеки. — Будешь молчать, сам научусь слушать. Но моей станешь. Это не обсуждается. Муж продал меня в счёт долга. Тот, кому он задолжал, сказал: «Твоя задача — быть красивой и молчать». Меня зовут Мирослава Чёрная. Я историк, репетитор и женщина, которая устала быть удобной. У него есть деньги, власть и люди с оружием. У меня — диплом, остроумие и полное неумение держать рот на замке. Он не знал, с кем связался. Посмотрим, кто кого. Что будет в книге: ✂ Он — опасный криминальный авторитет с холодными глазами ✂ Она — историк с красным дипломом и острым языком ✂ Противостояние характеров ✂ Сломанные судьбы и опасные игры ✂ Откровенные сцены 18+ ✂ Любовь, которую никто не планировал От вас - звезды и От меня - проды каждый день и накал страсти ♥#

© Ош Э., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	22
Глава 10	24
Глава 11	26
Глава 12	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Глава 1

Солнце в этом городе было садистом.

Июльское, злое, оно не светило. Оно наказывало. Плавало асфальт, высасывало воздух, превращая его в кисель, который даже не хотелось вдыхать. Я шла от ТЦ уже пятнадцать минут, ничтожный отрезок времени по всем человеческим меркам, но мне казалось, что я пережила ад.

Пальцы превратились в когти, впившиеся в пластиковые ручки пакетов, которые обещали перетереть кожу в любую секунду, если я посмею разжать хватку. Спина взмокла ещё на выходе из торгового центра. Тонкая вязкая майка прилипла к лопаткам намертво, словно в наказание за всё, что я сделала или не сделала в этой жизни. Волосы я собрала в высокий хвост, надеясь, что это хоть немного охладит, но солнце целовало открытую шею настойчиво, почти до неприличия.

Я, Мирослава Чёрная, кандидат в жертвы теплового удара, тащила три пакета продуктов. А мужик, за которым я была замужем, не удосужился хотя бы на один дурацкий телефонный звонок, чтобы спросить: «Мира, может, тебе помочь? Кондиционер в машине работает, не хочешь, чтобы я подъехал?»

Нет.

Артём Баранов, мой муж, скорее всего, сидел сейчас в прохладе своего кабинета, развалившись в кожаном кресле, и даже мысль не приходила в его баранью голову: а не быть ли мужчиной хотя бы на десять минут?

Я стиснула зубы так, что заныли челюсти.

Повезло ему, что его фамилия всплыла только перед самым ЗАГСом. Господи, ну почему? Почему я не спросила раньше? Почему не шерстила его документы с дотошностью, которую потом, через пять лет, стала применять к студенческим дипломам, выискивая плагиат? Тогда, в мои восемнадцать, Артем казался мне надёжным. Перспективным. Взрослым. Красивый, улыбчивый, с собственным бизнесом. Кафе на набережной, как же, как же! С покладистым характером и полным отсутствием вредных привычек.

Сейчас он казался мне ошибкой.

Ошибкой, которую я совершила в восемнадцать и до сих пор не исправила. Дурацкой, дешёвой, позорной ошибкой с коротким именем Артём и смешной фамилией Баранов.

Я почти уже завершила к подъезду, предвкушая спасительный полумрак и холод, который высушит мою спину, когда нос к носу столкнулась с чудовищем.

Чёрный внедорожник. Здоровенный, наглый, с тонированными стёклами. Такие стёкла бывают только у людей, которым есть что скрывать. Он стоял, задравшись на бордюр, перекрыв единственную тенистую дорожку к моей двери. Припарковался так, будто этот кусок асфальта куплен им вместе с домом.

Такие машины не покупают люди, которые платят налоги вовремя и живут в ладу с законом. Такие машины — показатель того, что их владелец либо не платит налоги вообще, либо платит чужими жизнями.

Я обошла монстра по широкой дуге, мазнула взглядом по капоту: чёрный, лоснящийся, без единой пылинки. Такое впечатление, что его только что вылизали языком. И тут же заметила знакомый силуэт на парковке в десяти метрах.

Серебристый мерседес Артёма.

Кровь ударила в голову сильнее, чем от солнца.

Сукин сын. Он дома. А меня даже не спросил, нужна ли помощь. Не позвонил. Не написал.

Сарказм поднялся из горла едкой волной, но я проглотила его и сберегла для разговора. Внутреннего. Потому что вслух я всё равно не выскажу. Вслух я никогда не высказывала. Я же хорошая жена. Терпеливая. Понимающая.

Господи, какая же я дура.

Я сжала пакеты так, что пластик жалобно закрипел, и двинулась к подъезду. Достала ключи на подходе. Пальцы онемели от тяжести пакетов, железо норовило выскользнуть, брякнуть о землю, закатиться под какую-нибудь припаркованную машину. Я поймала связку на лету, сама не знаю как. Рефлексы, видимо, обострились от желания убить.

Ронять пакеты я не планировала, но один из них всё же выскользнул, ударился об асфальт, и помидоры покатались по раскалённой поверхности, как маленькие красные бомбы.

— Чёрт, — прошипела я себе под нос. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Помидоры я собрала быстро: два укатились под лавку, третий застрял в решётке ливнёвки, и я оставила его там, мысленно пожелав приятного аппетита тому, кто найдёт его сегодня вечером. Поднесла чип к домофону, дождалась вожделенного щелчка.

Дверь поддалась.

Прохлада ударила в лицо, как пощёчина: резкая, восхитительная, почти неприличная по своей щедрости. Я замерла на пороге, закрыла глаза и позволила себе две секунды блаженства. Две секунды, в которые я не была ни женой, ни историком с красным дипломом, ни таскальщицей пакетов. Я была просто существом, которое перестало плавиться.

Медленно, с наслаждением, я выдохнула и шагнула внутрь.

Подъезд встретил меня привычной тишиной и запахом свежести после вымытых полов, той особенной, когда мокрый бетон ещё не просох, оставляя тёмные влажные пятна. И поверх этого — неуловимо-домашний аромат, доносящийся из-за закрытых дверей.

Я поднялась на пару ступеней к лифту, не решаясь позвонить мужу с просьбой хотя бы открыть дверь: для этого пришлось бы выпустить из рук хотя бы один пакет. А я не была уверена, что смогу потом их подхватить, не рассыпав половину содержимого по бетонному, хоть и чистому, полу. Особенно тот пакет. С яйцами.

Лифт приехал почти сразу: железная кабинка, вся в зеркалах, пахнущая сладковатым ароматом духов кого-то из соседей. Я зашла, прислонилась спиной к холодной стене, и зеркала отразили меня со всех сторон.

Раскрасневшуюся. Растрёпанную. С чёрными разводами туши под глазами. Я же забыла, что нельзя тереть веки, когда на улице плюс тридцать и на тебе ни грамма косметики, кроме этой самой туши.

Но глаза... глаза горели.

Не от жары. От злости. От той глухой, накопившейся за годы обиды, которая поднималась всякий раз, когда я возвращалась домой с тяжёлыми сумками, а муж сидел на диване с пультом. Когда я готовила ужин, а он говорил: «Ой, я уже перекусил в кафе». Или когда я пыталась заговорить о деньгах, а он отмахивался: «Всё нормально, Мира, не лезь в мужские дела».

Женщина в зеркале смотрела на меня чужими глазами.

Сейчас, родной, я тебе всё же выскажу. Всё, что накопело. Всё, что я проглатывала годами. Всё, о чём молчала, потому что не хотела скандалить.

Я никогда не умела молчать. Это была моя проблема и, наверное, моя главная сила. Я молчала только с Артёмом, потому что устала. Потому что не видела смысла. Потому что с ним всё равно невозможно было о чём-то договориться: он или отмахивался, или уходил в глухую оборону, или просто уходил из дома, хлопнув дверью. И я сдалась. Перестала спорить. Перестала высказывать. Перестала быть собой.

Но сегодня — нет. Сегодня я выскажу.

Лифт дёрнулся и пополз вверх. Я смотрела на своё отражение и впервые за долгое время не отводила взгляд.

Сегодня. Пусть подавится.

Глава 2

Лифт остановился, двери разъехались с тихим шелестом. Сумки снова впились в ладони, напоминая, что отдых закончился.

Я вышла, прошла несколько метров до нашей двери, привычным движением сунула ключ в замок. Щелчок. Поворот. Дверь приоткрылась, выпуская навстречу запах нашего дома.

— Артём, ты дома? — позвала я, не переступая порог. — Помоги мне, пожалуйста.

Тишина. Почти тишина. Из глубины квартиры доносилось ровное бормотание телевизора: сериал или новости, я не разобрала. И больше ничего. Ни шагов, ни привычного кряхтения мужа, переключающего каналы, ни его недовольного: «Чего покрикиваешь, я здесь».

Уснул, что ли?

Ну, супер. Просто замечательно.

Я перешагнула порог, опустила сумки сразу в прихожей, чтобы не тащить их дальше. Расправила плечи и выдохнула с облегчением.

Сандалии слетели мгновенно, я скинула их у двери и, не глядя, задвинула ногой на полку. Босиком по ламинату: шлёп-шлёп-шлёп. В этом было что-то успокаивающее, почти детское.

Я свернула на кухню, но не потому, что хотела готовить. Боже упаси, в такую жару стоять у плиты, это мог быть только самоубийца). В горле пересохло так, что язык ворочался с трудом.

Холодильник загудел, когда я открыла дверцу, выпуская струю ледяного воздуха. Я замерла на секунду, подставив лицо, и только потом достала кувшин с водой. Стакан наполнился до краёв. Я выпила залпом, не отрываясь, чувствуя, как по пищеводу течёт спасение. Прохладное, чистое, живое. Второй стакан я осушила уже медленнее, прикрыв глаза.

И только тогда заметила.

На кухне было чисто.

Странно. Артём приехал и не поел? Не оставил гору грязной посуды? Не открыл холодильник, не наковырял из кастрюли котлету вилкой, а потом не бросил эту вилку в раковину, даже не сполоснув? Раковина сияла. Плита была девственно чиста. Даже чашка, из которой он обычно пил кофе, сушилась на решётке, вымытая до блеска.

Это было так на него не похоже, что по спине пробежал неприятный холодок. От предчувствия. От того смутного, животного чутья, которое просыпается в женщине за секунду до беды.

— Артём, — позвала я уже громче, выходя из кухни. — Ты где?

Телевизор бормотал из гостиной. Я пошла на звук, заворачивая за угол, на ходу вытирая мокрые руки о шорты и замерла.

Артём сидел в кресле.

Он был дома — это да. Но он не спал. Он сидел, сутулый, сжавшийся, с ладонями, зажатыми между коленей, и смотрел на меня исподлобья. В этом взгляде не было ничего: ни радости, ни усталости, ни даже привычного равнодушия. В нём был тоскливый, животный страх. И вина. Много вины. Столько, что она заполнила всю комнату раньше, чем я успела понять, что происходит.

— Артём? — мой голос прозвучал не так, как я планировала. Не зло. Не требовательно. Испуганно.

Он молчал. Смотрел. Зажмурился на секунду, словно надеялся, что я исчезну, растворюсь, испарюсь, и ему не придётся этого говорить.

Я перевела взгляд на окно.

Там стоял мужчина.

Высокий. В дорогом тёмном костюме, в пиджаке и это в тридцать градусов в тени, боже правый. На таком пекле у нормальных людей только одно желание: раздеться до трусов. А

этот щеголял в солидной двойке, словно ему было плевать на законы природы. Тёмные волосы уложены с небрежной изысканностью, будто он только что провёл по ним рукой и остановился на полпути, решив, что идеальная причёска была бы слишком скучной. Лёгкая небритость придавала лицу нотку дикости, той самой, которую показывают в фильмах, чтобы зритель сразу понял: этот парень опасен.

Он стоял, прислонившись к подоконнику, засунув одну руку в карман брюк, и смотрел на меня. Нет, не так. Он меня изучал. Как препарат под микроскопом. Как новую пешку на доске, которую ещё не решил, куда поставить. Его глаза, такие тёмные и бездонные, скользили по моему лицу, по растрёпанным волосам, по майке, прилипшей к груди, по босым ступням на прохладном ламинате. Медленно. Без спешки. Смакуя.

И на его губах застыла лёгкая, едва заметная усмешка.

Не издевательская. Скорее, заинтересованная.

Опасная.

Я заставила себя отвести взгляд.

У стены стоял ещё один. Коренастый, с бычьей шеей и руками, которые явно привыкли не только к гантелям. Охрана. Таковую породу ни с чем не спутаешь: они умеют стоять неподвижно часами, но в любой момент готовы превратиться в сталь и кулаки. Он даже не смотрел на меня. Смотрел на мужчину у окна. Ждал команды.

А третий... третий вышел из спальни.

Я не заметила его сразу, только краем глаза уловила движение, когда он пересёк коридор и встал за моей спиной, перекрыв выход. Не перекрыв, просто встал. Просто дал понять: отступать некуда.

Я повернулась к мужу.

— Артём, — голос задрожал. Только на самую малость, на полтона, на полсекунды. Но я услышала эту дрожь. И он услышал. Не знаю, заметили ли остальные, но мне было плевать. — Что... что происходит?

Глава 3

Тишина в комнате заполнила каждый угол, каждую щель, каждую мою клетку, прежде чем я успела сделать вдох. Артём молчал. Сидел в кресле, вжав голову в плечи, сцепив пальцы так, что побелели костяшки. И молчал. А я смотрела на него и не узнавала. Где тот самоуверенный мальчик, который когда-то клялся, что у нас всё будет? Где тот мужчина, который обещал заботиться?

Его не было. Был только трусливый, ссутуленный незнакомец, который боялся поднять на меня глаза.

— Артём, — повторила я жёстче. — Я тебя спрашиваю.

Он дёрнулся. Глотнул воздух жадно, как утопающий, который уже не надеется на спасение, но инстинкт всё равно заставляет хватать ртом пустоту.

— Мира... — его голос сел, превратился в хрип. — Мира, я должен.

У меня внутри всё оборвалось. Упало вниз, в чёрную бездонную яму, и там затихло, замерло. Сердце пропустило удар, потом другой, потом забилось где-то в горле, мешая дышать.

— Что ты должен? — спросила я, и мой собственный голос прозвучал чужим: ровным, почти спокойным. Словно говорил кто-то другой, более взрослый, более жёсткий, более живучий. Я не знала, откуда во мне эта ледяная ровность. Наверное, тот самый внутренний холод, который выручает, когда жизнь поджаривает тебя на медленном огне, а ты должна улыбаться и делать вид, что это всего лишь спа-процедура.

— Должен этим людям... точнее, Даниилу Романовичу, — Артём метнул быстрый, трусливый взгляд в сторону окна. Я проследила за ним и снова наткнулась на тёмные, изучающие глаза мужчины в дорогом костюме. В этом взгляде было что-то от рентгена: он видел меня насквозь, каждую косточку, каждый нерв, каждый страх, который я так отчаянно прятала.

— А ты... — Артём сглотнул, и кадык его дёрнулся, как загнанный зверёк. — Ты должна поехать с ним.

Тишина взорвалась в ушах гудением. Оглушительным, невыносимым, заполнившим всё пространство. Телевизор бормотал что-то про погоду завтрашнего дня, но звук превратился в белый шум.

Я смотрела на мужа, на человека, которому когда-то доверила свою жизнь, и не узнавала его. В кресле сидел чужой. Трус. Предатель. И мужчина у окна смотрел на меня так, будто я уже принадлежала ему.

— Зачем? — спросила я, ещё не понимая. Ещё надеясь. Ещё цепляясь за соломинку здравого смысла в этом безумном мире. — Куда?

— К нему, — Артём снова кивнул в сторону окна, так и не подняв глаз. Его голос стал тише, почти шёпотом. — В качестве... залога.

Слово упало между нами тяжёлое, грязное, липкое. Залог. Я — залог. Не женщина, не жена, не человек. Вещь. Акт в балансовой ведомости. Цифра в чьей-то долговой расписке. Меня замутило. К горлу подступила тошнота, кислая и горькая одновременно.

Я перевела взгляд на мужчину у окна. Он смотрел на меня всё так же: в упор, не мигая. В его глазах не было ни торжества, ни злорадства. Только спокойная, абсолютная уверенность в том, что я уже никуда не денусь. И это было страшнее любой угрозы.

— Баранов, — процедила я. — Ты в конец охренел? Ты... ты продал меня?

Молчание.

Громкое, оглушительное молчание, в котором прозвучало всё: его трусость, его предательство, его полное, абсолютное ничтожество. Артём молчал, и это молчание было громче любого признания. В его позе читалось всё: желание провалиться сквозь землю, исчезнуть, стать невидимым. Лишь бы не встречаться со мной взглядом.

Человек у окна улыбнулся. Совсем чуть-чуть, одними уголками губ. Улыбка человека, который смотрит фильм и знает, чем он закончится. Он даже не старался скрыть своё удовольствие. Зачем? Он здесь был хозяином. Он мог позволить себе любую роскошь, в том числе и роскошь наблюдать за моим унижением.

Я окинула его ледяным взглядом, от которого когда-то студенты краснели и оправдывались. Он не покраснел. Не отвёл глаза. Чуть склонил голову, будто говоря: «Ну давай, посмотрим, что ты можешь».

Внутри всё дрожало: сердце колотилось где-то в горле, ладони взмокли, ноги стали ватными. Я боялась. Боялась так, как не боялась никогда в жизни. Даже когда отец уходил и мать плакала по ночам, тогда мне было страшно. Но это был детский страх, понятный, домашний. Этот был другим: взрослым, ледяным, парализующим.

— Это сюр какой-то? — выдавила я, и в голосе зазвенела истерика, которую я уже не могла сдерживать. Слова вылетали сами, быстрее, чем я успевала их обдумывать, рот работал на автопилоте, пока мозг пытался переварить происходящее. — Мы в двадцать первом веке живём? Какой залог живыми душами? Да я... да в полицию...

Я не договорила.

— Мирослава Сергеевна, — сказал мужчина у окна, и его низкий, чуть хрипловатый голос заставил меня замолчать. Не от страха, от чистого, кристального удивления. Потому что в этом голосе не было угрозы. В нём было спокойствие. Спокойствие человека, который знает, что он выше любых законов, любых полиций, любых моих жалких попыток сопротивляться.

— Обстоятельства куда серьёзнее, чем вы думаете. В полицию? Да не проблема, — он усмехнулся, коротко, почти небрежно. — Буквально завтра, на ужине, вы лично увидите с начальником местного отделения полиции. Задать вопросы...

Пауза. В ней прозвучало больше, чем в любых словах.

— Но я бы вам советовал молчать. Потому как это вам не поможет.

Он достал из внутреннего кармана пиджака сложенный вчетверо лист. Простая, офисная, бумага выглядела в его руках как приговор. Развернул. Показал.

Буквы расплывались перед глазами, плыли и танцевали, отказываясь складываться в слова. Но предательский, услужливый, слишком хорошо обученный мозг всё равно выхватывал отдельные фразы и цифры. Каждая врезалась в память, как клеймо раскалённым железом.

«Долг в размере...»

Сумма. Огромная. Неподъёмная. Такая, от которой закружилась голова, а к горлу снова подкатила тошнота.

«В качестве залога — Мирослава Сергеевна Чёрная, супруга должника...»

Моё имя. Моя фамилия — та, которую я не меняла, не отдала, не променяла на его барановскую пошлость. И вот теперь она стояла в этой бумаге, как клеймо на скотине.

«А также кафе „Бриз“, расположенное на Центральной набережной...»

Последнее, что у него было. Последнее, что он не пропил, не проиграл, не променял на иллюзию лёгких денег.

Внизу — размашистая, почти небрежная подпись Артёма. Такая же самоуверенная, как и он сам. А ниже — другая, чужая, твёрдая, с нажимом, каллиграфически чёткая: Аргунов Д. Р.

Печать. Подпись. Всё законно. Всё по-взрослому. Всё — против меня.

— К тому же, Мирослава, — холодно резюмировал Даниил, — я не единственный, кому задолжал ваш супруг. В вашем положении выбор не велик.

Он говорил так спокойно, будто сообщал, что на завтра обещают дождь. Будто не моя жизнь висела на волоске. Будто не меня только что продали с потрохами.

Потом добавил, и в его тоне не было ни тени сомнения:

— Можете называть меня Даниил. Или босс, как вам будет угодно. Вы, Мирослава, поедете со мной. И точка.

Не вопрос. Не просьба.
Утверждение.

Глава 4

Я выпрямила спину так, что хрустнули позвонки. Подняла подбородок выше, ещё выше, насколько позволяла моя гордость, которую у меня пытались отнять. Посмотрела ему прямо в глаза, тем самым ледяным взглядом, который был моим единственным оружием в этой комнате, полной мужчин с оружием настоящим.

— Нет, — сказала я.

Он усмехнулся.

И в этой короткой, почти снисходительной усмешке я увидела всё. Удовольствие хищника, который только что понял, что добыча не побежит. Добыча будет биться. Ему будет интересно. А он, судя по всему, давно уже не испытывал интереса ни к чему, кроме денег и власти.

— Я не игрушка, Даниил Романович. У меня своя жизнь, дом, работа и...

Запнулась. Посмотрела на Артёма: на его ссутуленную спину, на его опущенную голову, на его дрожащие руки. И всё же договорила, чувствуя, как каждое слово вырывает из меня кусок плоти:

— Муж, который, кажется, забыл про ответственность. Он облажался? Разбирайтесь с ним сами. Пусть отрабатывает. Но я никуда не поеду.

— Мира, — простонал Артём из кресла. В его голосе было столько унижения и животного страха, что мне стало почти жаль его. Почти. — Мира, ну, пожалуйста...

— Заткнись, — я даже не посмотрела в его сторону. Потому что если бы увидела его лицо ещё раз, то могла бы сорваться. Заплакать. Закричать. Ударить. И проиграть.

Даниил, именно так, Даниил, не Данила, не Даня, только полное имя, которое звучало тяжело и весомо, как надгробная плита, чуть приподнял бровь. Изучал. Оценивал. Просчитывал. Я видела, как работают его глаза: они исследовали меня, как сканер в аэропорту, выискивая слабые места, трещины, точки давления.

— Упрямая, — сказал он. В его голосе не было раздражения. Скорее одобрение. — Это хорошо. Будет интересно.

— Мне плевать, будет ли вам интересно, — ответила я, хотя голос внутри уже срывался на фальцет. — Я никуда не еду.

Он молчал. Секунду. Две. Смотрел на меня, не отрываясь, не моргая. В его черных глазах не было ничего. Только холод. Только расчёт.

— Как вы верно заметили, ваш муж продал вас, — произнёс Даниил, и в его голосе не было ни капли юмора. Только факты. Сухие, неумолимые факты, от которых хотелось выть. — Отдал в залог в счёт погашения крупного долга.

Он сделал паузу, позволяя мне прочувствовать каждое слово.

— Но есть и другие кредиторы. Ваш супруг не может оплатить их долги так же. Но может оплатить... иначе.

Я медленно выдохнула. Воздух царапнул горло, как наждачная бумага, оставляя за собой ощущение горечи и крови.

— Иначе – это я?

— Вы умная женщина, Мирослава, — его губы искривились в подобии улыбки. — Мне это нравится.

— Мне плевать, что вам нравится, — повторила я и сделала шаг к выходу.

Один.

Второй.

Третий.

Почувствовала, как охрана напряглась: коренастый мужчина у стены перевёл взгляд с Даниила на меня. Но не двинулся.

Я остановилась. Не дойдя до двери всего несколько шагов. Повернулась. Посмотрела на этого... босса.

— Вы можете сопротивляться, — сказал он спокойно, будто обсуждал курс доллара. — Можете кричать, звать на помощь, попытаться убежать. Но я бы не советовал. Вы только утомите себя и разозлите меня. А я, когда злюсь, становлюсь неприятным.

Я сжала кулаки. Ногти впились в ладони: острая, живая боль помогла не разреветься. Не здесь. Не сейчас.

— Чего вы хотите? — выдохнула я.

Даниил подошёл ближе. Так близко, что я почувствовала его запах: дорогой парфюм с тонкой ноткой перчинки, острой и терпкой, как его взгляд.

— Эскортница, — произнёс он тихо, почти ласково, и от этой ласковости по спине пробежал холодный, липкий, противный, невыносимый пот. — Твоя задача, Мирослава, быть красивой и молчать. Всё остальное не твои проблемы.

Артём всхлипнул в кресле. Поднял голову, потом снова опустил, словно его ударили. Больно. Наотмашь. Но я не смотрела на него. Я смотрела на Аргунова.

Он же смотрел на меня сверху вниз: я была ниже на голову, и ему приходилось склоняться. В его глазах не было угрозы. Там было что-то другое. Предвкушение. Ожидание.

Он ждал, когда я сломаюсь.

Я подняла подбородок выше.

— С первым пунктом, Даниил, проблем не возникнет, — мой голос прозвучал ровно, даже скучающе. Словно мы обсуждали меню в ресторане, а не мою жизнь. — Второй... уж извините. Я никогда не молчу.

Он замер.

Секунду. Две.

В комнате стало так тихо, что я слышала, как пыль оседает на подоконнике. Как Артём сглатывает громко и судорожно. Как за стеной кто-то включает воду на кухне: далёкий, нормальный звук нормальной жизни, которая продолжалась там, за пределами этого кошмара.

Потом Даниил усмехнулся.

Но я не отвела взгляд. Я была Чёрной. Мирославой Чёрной, которая никогда не умела молчать. Муж не считается. Теперь уж точно.

— Поехали, — сказал он и взял меня за локоть. Не больно. Но так, что я поняла: это не приглашение. Это приказ. — Ты ещё скажешь мне спасибо.

— Даже не надейтесь, Даниил Романович, — ответила я.

Он повёл меня к выходу. Мимо сутулой фигуры мужа, который даже не поднял головы: так и сидел, вжавшись в кресло и в свою трусость. Мимо охраны, расступившейся перед нами. Мимо всего, что было моей жизнью ещё полчаса назад.

Внутри всё дрожало. Мелкими, противными толчками, которые грозили выплеснуться наружу истерикой. Сердце колотилось где-то в горле, готовое выскочить. Ладони взмокли, ноги стали ватными, в висках стучало гулко, больно, невыносимо.

Но снаружи — ни одной трещины.

Если он ждал, что я сломаюсь в первую же минуту, он ошибся адресом.

Глава 5

Резко остановилась и выдернула локоть из хватки Аргунова. Кровь прилила к лицу, голос дрожал от гнева, но я заставила себя говорить чётко:

— Я никуда не поеду! — мой крик эхом отразился от стен прихожей. — Я только что притащила эти чёртовы сумки с жары! Там под тридцать, между прочим! Я мечтала о душе, а не о том, чтобы меня куда-то тащили из-за долгов, которые я не делала!

Аргунов приподнял бровь, явно наслаждаясь моим возмущением.

— И что же вы предлагаете?

— Я предлагаю вам отпустить меня! — я выдернула руку окончательно. — Сначала душ. И я не поеду в шортах и майке, без паспорта и личных вещей! Вы что, предлагаете мне ехать без сменного белья?

Он усмехнулся:

— Там, куда мы едем, у вас будет всё необходимое. Паспорт, кстати, лучше оставить у меня. Он в сумочке?

Его взгляд метнулся к моей сумке, стоящей возле пакетов. Я инстинктивно дёрнулась в её сторону, но охранник преградил путь. В этот момент один из пакетов зашевелился под ногой охранника.

— Эй! — вскрикнула я. — Осторожно!

Раздался характерный хру-у-уст.

— Яйца! — взвизгнула я. — Ты раздавил мои яйца! Да вы хоть знаете, сколько они сейчас стоят?!

Мой гнев был настолько искренним, что я уже готова была броситься на охранника, но Аргунов жестом остановил меня.

В следующую секунду всё произошло молниеносно. Охранник схватил меня за талию, поднял на плечо. Я повисла вниз головой. Позорище! Неслыханная наглость! Колотила по спине этого амбала, но мои удары были бессильны против горы мышц.

Входная дверь распахнулась. Меня вынесли из квартиры, из дома и бросили, словно мешок с картошкой, в открытый салон чёрного внедорожника. Того самого монстра, что загордил мой путь. Аргунов сел рядом, охрана заняла свои места. Дверцы захлопнулись.

Машина тронулась. Я сидела, прижавшись к двери, чувствуя, как внутри всё дрожит. Шок от происходящего постепенно сменялся гневом. В первую очередь, гнев на мужа, который продал меня. И даже не вышел в коридор, когда я истерила. Страх перед будущим с этим человеком. А после его место заняла решимость сопротивляться до конца.

Аргунов смотрел на меня, изучая реакцию. В его глазах читалось удовлетворение. Он явно наслаждался моим бессилием.

Машина мчалась по улицам, увозя меня в неизвестность. Но я знала — это только начало. Я не собиралась сдаваться. Никогда.

Глава 6

В полумраке салона, я сидела, прижавшись к холодной дверце автомобиля. Пальцы впились в обивку сиденья до боли, но не сравнить с тем, что творилось внутри. Присутствие Аргунова давило, словно бетонная плита.

Он расположился рядом, небрежно закинув руку на спинку сиденья. Идеальная одежда, безупречный вид. И я в этих дурацких шортах и майке, с голыми коленями, выставленными напоказ. Кондиционер в машине работал на полную, и я чувствовала, как кожа покрывается мурашками.

— Куда вы меня везёте?

Он медленно повернулся ко мне:

— Туда, где вы будете в безопасности.

— В безопасности? — я едва сдержала сарказм. — От кого? От вас?

Его тёмные глаза сверкнули:

— От вашего мужа и других кредиторов. Вы правда думали, что я единственный, кому задолжал ваш муж?

Я сжала кулаки, чувствуя, как холод пробирает до костей. Машина мчалась по улицам, увозя меня в неизвестность. В голове крутились мысли, одна страшнее другой. Что ждёт впереди? Какой ад придумал этот человек?

— Это не даёт вам права похищать меня! — воскликнула я, обхватив себя руками, чтобы хоть как-то согреться.

— Называйте это как хотите, — пожал он плечами. — Факт остаётся фактом: вы теперь под моей защитой.

— Защита, в роли эскортницы? — я выплюнула это слово с отвращением.

Аргунов наклонился ближе:

— Ваша задача – быть красивой. Остальное не касается.

Я украдкой бросила взгляд на Аргунова. Опасная смесь харизмы и угрозы. Он словно создан из противоречий: холодный расчёт и животная сила, власть и дикость. А я здесь, в этом жалком наряде, дрожащая от холода и гнева.

— А говорить я не должна? — я подняла бровь. — Забыли, Даниил Романович? Я никогда не молчу.

Он усмехнулся:

— Это мы ещё посмотрим.

Машина свернула на узкую дорогу. Деревья по бокам сливались в зелёную стену. Мы ехали всё дальше от цивилизации, от людей, от возможности позвать на помощь.

— И что будет, когда я начну говорить? — не унималась я. — Заткнёте мне рот?

— У меня есть способы заставить вас молчать, — его голос стал тише, опаснее.

— Рискните, — я встретила его взгляд прямо. — Только сначала объясните, почему мой муж решил продать меня, как вещь. И на что он занимал такую сумму? Как прогорел?

Аргунов откинулся на сиденье:

— Слишком много вопросов, Мирослава. Отвечу лишь на первый: потому что он трус. И должник. А вы – его самый ценный актив.

— Ценный актив... — повторила я с горечью. — Как скот на рынке.

Я заставила себя дышать ровнее. Паника – это роскошь, которую я не могу себе позволить. Нужно думать. Придумывать план. Искать выход. Холод отрезвлял, заставлял оставаться в здравом уме.

Машина замедлила ход. Впереди показались кованые ворота. Высокие, массивные, неприступные. Как и их хозяин.

— Приехали, — бросил Аргунов. — Добро пожаловать в ваш новый дом.

— Дом? — я скривилась. — Скорее, тюрьма.

Он лишь усмехнулся, не отрывая взгляда от дороги.

Машина въехала на территорию. Высокие кованые ворота захлопнулись за нами, отрезая путь к свободе. Я чувствовала, как земля уходит из-под ног, а реальность трещит по швам.

— Это еще не конец, — прошептала я больше себе, чем ему.

Я найду способ выбраться. И тогда он пожалеет, что связался со мной.

Глава 7

Двигатель замолчал. Кондиционер перестал гнать прохладу, но в салоне ещё держалось то спасительное марево, которое весь путь отделяло меня от реальности. Я сидела, не двигаясь. Не потому что не понимала, что пора выходить. Понимала. Просто не хотела.

— Выходи.

Голос снаружи принадлежал охраннику. Дверца распахнулась, впуская волну нагретого воздуха, но я даже не шелохнулась.

Не пойду. Никуда я не пойду. Если сидеть здесь, ничего не случится. Если не выходить, они не смогут...

— Мирослава, — тихо, без нажима, сказал Аргунов. Он уже стоял на улице, поправляя манжеты. Даже не смотрел на меня. — У тебя нет выбора. Лучше подчиниться.

Я заметила это не сразу, слишком много всего навалилось. Но цепкий мозг уже работал на автопилоте. «Ты». В машине он называл меня на «Вы». В квартире тоже, до того самого момента, когда сорвался на «эскортницу». А теперь снова «Ты». Он словно не мог определиться. Словно сам не знал, кто я для него. И от этой его растерянности мне стало почти легче. Почти.

Но он прав. Сидя в машине, я не найду выход. Только разозлю их. Себе хуже сделаю. Я уже вполне натерпелась за сегодня, чтобы добавлять к списку унижений ещё и силовой вынос из салона.

Я вышла сама. До того, как охранник успел протянуть руку.

Босые ступни коснулись раскалённой плитки, и я сразу поджала пальцы. Было невыносимо горячо, будто я ступила на сковороду. Переступила с ноги на ногу, потом ещё раз. Плитка была старой, квадратной, с мелкими неровностями, которые впивались в кожу. Я чувствовала каждую, ступая осторожно.

Меня словно поджаривали. Медленно. Неотвратно.

Воздух ударил в лицо плотной, тяжёлой волной, как из открытой духовки, когда загляды- ваешь внутрь проверить пирог и получаешь удар паром. Липкое тепло обволокло тело мгновенно. В машине было так хорошо прохладно, привычно, кондиционер делал своё дело, и я почти забыла, что на улице пекло. Теперь вспомнила. Майка снова прилипла к спине. Пот выступил на лбу ещё до того, как я сделала второй шаг.

Аргунов не взял меня за руку. Не коснулся. Просто кивнул в сторону дома и сделал спокойный, широкий, уверенный шаг. Как человек, который не сомневается, что за ним пойдут.

Я пошла следом. Потому что идти больше некуда. Потому что он прав: выбора нет.

Внутри что-то щёлкнуло. Какая-то холодная, расчётливая часть меня, о существовании которой я не подозревала, тихо сказала: «Притворись. Пусть думают, что сломалась. Пусть потеряют бдительность». Может быть, когда они перестанут ждать подвоха, появится шанс. Мизерный, призрачный, почти смешной в этой ситуации. Но шанс.

Я выпрямила спину. Не для них, для себя.

Высокий кованный забор тянулся вдоль всей территории, насколько хватало взгляда. Массивные каменные столбы, чугунное литьё, старый, солидный узор: не тот дешёвый новодел, которым обносятся коттеджи новых русских.

В этом городе, к счастью, ещё не все снесли эти толстосумы, выстраивая на месте архитектурных памятников новомодные отели и рестораны. Забор явно был ровесником особняка.

В моей голове уже защёлкали невидимые счёты: конец девятнадцатого – начало двадцатого века, купеческая застройка, южное направление. Возможно, тот же архитектор, что проектировал старые особняки на набережной. Мысль мелькнула и погасла. Не до того сейчас. Но мозг историка уже взял след.

Территория внутри была ухоженной, но не той стерильной парковой красотой, где каждый кустик подстрижен под линейку. Деревья росли свободно, кусты кое-где выбивались из общей линии, белая статуя в глубине – то ли женщина, то ли ангел – смотрела куда-то в сторону, будто ей было всё равно на гостей. Всё выглядело дорого, но не крикливо.

Дом оказался массивным, из тёмного камня. Старинным. Настоящим, а не стилизованным под старину, как любят делать те, у кого есть деньги, но нет вкуса. Здесь вкус был. Окна большие, высокие, с изящными коваными решётками. Только на первом этаже. На втором решёток не было. Я отметила это машинально.

Голова гудела. Мысли наскакивали друг на друга, обрывались на полуслове. Я почти не смотрела по сторонам, просто держалась в нескольких шагах за Аргуновым. Хотелось пить. Снова. И не только от жары.

Внутри дома прохлада оказалась совсем другой: не резкий удар кондиционера, а глубокая, настоящая, идущая от массивных каменных стен, которые держали холод даже в такой ад. Запах старого дерева, мебельного воска, чистой ткани. За домом следили. Убирали. Полировали. Следили, чтобы пахло «богато», но не музейно, не той затхлостью, которой пахнет в комнатах, куда годами не заходят живые люди.

Из глубины коридора вышла женщина.

Средних лет. Аккуратная. В простом тёмном платье без единой складки. Лицо спокойное, глаза ничего не выражают. Она смотрела на меня ровно столько, сколько требовал этикет, и ни секундой больше. Для неё я – работа. Очередная. Не первая и, наверное, не последняя.

— Проводи в комнату, — бросил Аргунов.

Не «познакомьтесь». Не «помоги ей устроиться». Просто приказ. Короткий, сухой, не терпящий возражений.

Женщина кивнула. Даже ответить не сочла нужным. Он и не ждал.

Я шла за экономкой длинными коридорами, почти не глядя по сторонам. Она вела меня мимо тяжёлых дубовых дверей, масляных портретов на стенах, хрустальных ваз на консолях. Я не запоминала дорогу. Не пыталась. Только механически переставляла ноги и считала про себя каждый шаг. Семнадцать. Двадцать три. Тридцать один.

Экономка остановилась перед одной из дверей, открыла её и пропустила меня вперёд.

Я вошла.

Комната оказалась большой и светлой. Решёток на окнах не было. Второй этаж, напомнила я себе. Потом подумаю.

Мебель из тёмного дерева, тяжёлые шторы в пол, ковер, в котором утонули ступни. Всё чистое, безупречное, без единой лишней вещи. Дорого. Статусно. Чужое.

— Ванная там, — женщина кивнула на дверь справа. — Гардеробная там.

Она помолчала секунду, потом добавила:

— Меня зовут Мария.

Я не ответила. У меня не было сил на вежливость.

Она вышла. Дверь за ней закрылась без звука. Я не слышала щелчка замка, но и не пошла проверять. Мне было всё равно, заперто или нет.

Я стояла посреди комнаты, чувствуя, как сердце бьется в унисон с тиканьем старинных часов в углу. Их мерный ход словно отсчитывал оставшиеся мгновения моей прежней жизни. В зеркале трюмо отражалась не я. Там была незнакомка с потухшим взглядом и дрожащими руками.

Часы пробили три. Звук эхом отразился от стен, и в этот момент я поняла: обратного пути нет. Совсем нет.

Глава 8

Тишина в комнате оказалась тяжелее, чем в машине. Там хотя бы двигатель гудел, кондиционер шуршал, за окнами что-то мелькало. Здесь звуки замерли, будто их придавили этой глухой, безмолвной роскошью.

Я стояла посредине и не знала, куда себя деть.

Ступни всё ещё помнили раскалённую плитку двора, пальцы сами собой поджимались, хотя под ногами теперь был толстый ворсистый ковёр. Он глушил шаги. Я сделала несколько пробных движений, и звук исчез, словно меня и не было вовсе.

Часы в углу отбивали секунды. Я смотрела на них и думала: вот сейчас маховик качнётся, дверь откроется, и кто-нибудь скажет: «Шутим, это розыгрыш, выходите». Маятник качнулся. Дверь не открылась.

Обвела комнату взглядом. Постепенно начала замечать детали. На этажерке стояли книги в дорогих переплётах, на трюмо — косметика, украшения. Всё новое, безупречное. Словно кто-то заранее знал, что я здесь окажусь.

Кровать, застеленная так идеально, что покрывало лежало без единой складки. Шторы из плотной ткани задерживали свет: за ними почти не видно, день на улице или вечер. Картины на стенах: виды старого города.

На прикроватном столике графин с водой. Руки дрожали, когда я наливала воду в бокал. Горло пересохло от страха и напряжения. Сделав глоток, я почувствовала, как прохлада немного отрезвляет.

Экономка упомянула гардеробную. Я заметила дверь, почти сливающуюся со стеной, и почему-то не сразу решилась открыть. Сначала подошла к окну. Второй этаж. Высоко, чтобы падение стало если не смертельным, то неприятным. Вдоль кованой ограды охрана патрулировала территорию. Бежать некуда. Или есть? Подумаю потом.

Гардеробная... Свет загорался сам, мягко, с верхних ламп, подсвечивая ряды одежды. Я замерла. Платья, обувь, бельё. Всё моего размера. Как? Откуда он знает мои размеры? Это не случайность. Это план. Детальный, продуманный план.

Он знал. Не угадал. Не «повезло» с размером. Знал.

Я представила, как он взял мои вещи. Взял, пока меня не было дома. Пока я ходила за этими дурацкими помидорами и яйцами. Перерыл шкафы, прикинул на глаз, запомнил, отдал приказ купить то-то и то-то.

От этой мысли стало душно. Я вышла из гардеробной и закрыла за собой дверь.

В ванной я позволила себе расслабиться. Огромная мраморная ванна, пушистые полотенца, дорогой парфюм. Всё кричало о роскоши, но я не могла насладиться этим. Каждая деталь напоминала о моём положении.

Я стянула с себя грязную одежду. В зеркале отразилась незнакомая женщина: испуганная, сломленная, но не побеждённая. Нет, я не сдамся. Не здесь. Не сейчас.

Горячая вода хлынула из крана, пар пополз вверх, запотевая зеркала. На краю ванны стояла коробка с бомбочками: разноцветные шары, пахнущие лавандой и мёдом. Я взяла одну, наугад, кинула в воду.

Шагнула внутрь, медленно погружаясь в горячую воду. Закрыла глаза, пытаюсь отвлечься от происходящего. Но мысли продолжали кружиться в голове:

«Как он узнал мои размеры? Как подготовился? Сколько времени ушло на планирование? Дни? Недели? Месяцы? Что дальше?»

Вода обволакивала тело, но не могла смыть чувство грязи и унижения. Я позволила себе всего несколько минут слабости: слёзы текли по щекам, смешиваясь с водой. Но даже в

этот момент часть моего сознания продолжала работать: «Запоминай. Обращай внимание на детали. Ищи слабые места».

Часы на стене тикали, отсчитывая секунды моей новой жизни. Жизни, в которой я должна найти способ выжить и победить. Жизни, в которой я должна стать сильнее, чем когда-либо.

Глава 9

(Аргунов Даниил)

Вечерняя прохлада наконец-то сменила дневную жару, но меня это мало волновало. Мысли были заняты совсем другим.

Мирослава Чёрная — интересная добыча. Умная, гордая, с характером. Именно такие мне нравились.

Я сидел в кабинете и смотрел на бумаги, разложенные на столе. Распечатки, подписи, печати. Долг Баранова крупный, не подъёмный для такого, как он. В качестве залога кафе на набережной, которое давно пора снести, но оно на хорошем месте, и я уже приглядел его под свой проект. И вдобавок — жена.

Фамилия как насмешка. Чёрная, а сама светлая, платиновая, ледяная. Имя Мирослава, «славящая мир», а вокруг неё один хаос, который устроил её муж. Контраст, который бросается в глаза. Такое не придумаешь нарочно. Но именно эта чёрно-белая полярность и притягивает. Светлая внешность, тёмная фамилия, и внутри — огонь, который не погас, даже когда её продали.

Баранов оказался ничтожеством. Продал жену за долги, даже не понимая, какую ценность отдал. Но это и к лучшему: меньше проблем с передачей собственности.

В дверь постучали.

— Войдите.

Мария просунула голову в щель.

— Даниил Романович, гостя наверху. Всё, как вы просили.

— Хорошо.

Она кивнула и закрыла дверь. Я откинулся в кресле, постукивая пальцами по подлокотнику. Вернулся к доске на Баранова. Всё началось с мелочи: он попросил в долг на развитие, не смог отдать, попросил ещё. Я знал, чем это кончится. Знал, когда подписывал первую расписку. И знал, что в какой-то момент придёт время забирать самое ценное.

Но чтобы забирать, нужно сначала понять, что забираешь.

Увидел её впервые полгода назад, на городской выставке, посвящённой купеческому наследию. Я был там по делу: приценивался к зданию, которое хотел отжать под ресторан. А она стояла у витрины и спорила с каким-то важным типом в очках. Негромко, но так, что я слышал каждое слово. Она доказывала, что представленный на выставке чертёж — не оригинал, а копия, и датировка неверна.

Важный тип пыхтел, но возразить не мог. А она говорила спокойно, с фактами, с датами, с именами архитекторов, которых никто из гостей в этом зале не знал.

Я тогда подумал: «Какого чёрта такая женщина делает с Барановым?» Он ничтожество, которое не способно оценить то, что имеет.

Потом я узнал, что она историк. Что работает репетитором и пишет дипломы на заказ. Что живёт в браке, где её не ценят. И что Баранов — дурак, который влез в долги и рано или поздно начнёт расплачиваться самым дорогим.

Я не планировал её забирать. Не тогда. Но запомнил. Её сопротивление возбуждало. Её дерзость разжигала аппетит. Я знал, что сломаю её, но процесс покорения обещал быть интересным.

А когда Баранов приполз с распиской, я уже знал, что возьму не только кафе. Потому что если не я, девчонку пустят по рукам. Сначала одни, потом другие. Пока от неё ничего не останется. Баранову всё равно. Он подмахнул бумаги, не глядя. Ему нужны были деньги, а не жена.

Документы на столе лежали нетронутыми. Мысли были заняты только ею.

Я поднялся наверх. Прошёл по коридору, мимо картин, мимо ваз, мимо этой вычурной роскоши. Её запах до сих пор витал в воздухе: смесь страха и неуловимо-соблазнительного.

Дверь в её комнату была не заперта. Я толкнул её, прошёл в спальню. Ванная светилась из-за приоткрытой двери, пар клубами вытекал наружу. Звук льющейся воды. Я заглянул. Она сидела в ванной по плечи в воде, с закрытыми глазами. Её тело выглядело идеально. Капли воды на коже, мокрые волосы. И всё это было создано для меня. Не спала: слишком напряжены плечи. Услышала. Но не открыла глаза.

Я вошёл без стука.

Сесть на край ванны — жест, который она не ожидала. Я видел, как она напряглась, как пальцы вцепились в бортик. Попыталась прикрыться, но вода не оставляла выбора.

— Расслабься, — сказал я. — Я не собираюсь тебя насиловать.

Она не ответила. Молчала. Впервые за всё время. Её попытки отстраниться только раздражали.

Я взял мочалку, висевшую на краю. Выдавил пахучий и дорогой гель. Придвинулся. Начал мыть её. Медленно, круговыми движениями. Пальцы скользили по её нежной коже, вырисовывая узоры из пены.

Она боролась. Боролась до последнего.

— У тебя час, — сказал я. — Вечером мы ужинаем вдвоём. Хочу видеть тебя в вечернем платье.

Она молчала.

— В гардеробной есть всё. С размером не ошибся, кстати?

Она подняла голову, и я увидел её глаза. Голубые, ледяные. Ненависть. Это хорошо. Ненависть — тоже чувство. Лучше, чем равнодушие.

— Свою задачу ты помнишь, — сказал я, проводя мочалкой по её плечам. — Но болтать за ужином не запрещаю. Однако к моим словам стоит прислушиваться.

Она дышала тяжело, я чувствовал это по напряжению её тела. Сопротивление было сладким ядом.

Я отложил мочалку. Несколько секунд смотрел на неё. Вода слегка подсвечена розовым: она бросила бомбочку. Волосы мокрыми прядями прилипли к лицу.

Ухватил за мокрую макушку, поднимая её голову, наклонился и поцеловал. Не спрашивая. Не нежно. Властно, требовательно.

Она ударила. Я ожидал этого. Поймал её руку, прижал к краю ванны. Второй рукой удерживал за плечо, не давая вывернуться. Она не могла двинуться. Только смотрела. Злость, страх, растерянность. Всё смешалось в этих глазах.

— Ты всё равно будешь моей, Мирослава, — сказал я тихо, почти касаясь её губ. — И это только вопрос времени.

Она не ответила. Но и не отвернулась.

Я встал, вытер руки полотенцем. Выходя, обернулся.

— Ужин в шесть. Не опаздывай.

За дверью я остановился. Она не сломается быстро. И это... интересно. Скука ушла. Впервые за долгое время появилось что-то, ради чего хотелось вставать утром. Не деньги, не власть, не сделки. Она. Игра только начиналась. И правила устанавливал я.

Спустился вниз, отдал распоряжения об ужине. Два прибора. Свечи. Белая скатерть. И пусть попробует не прийти.

Глава 10

Горячая вода остыла давно, но холода не чувствовалось.

Тело помнило его руки. Мочалку, медленно скользящую по спине, с пугающей нежностью. Гель с запахом, который не удалось определить сразу, а потом догадалась: это был не просто дорогой аромат, это был запах власти. Его запах. А теперь этот запах впитался в кожу, смешался с паром и собственным страхом.

И поцелуй. Властный, требовательный, чужой. От него до сих пор горели губы.

Я зажмурилась, сжала бортик ванны так, что заболели пальцы. Дрожь не проходила. Но это уже не страх. Это злость. На него, на себя, на Артёма. Больше всего на Артёма.

В памяти прокручивалось наше знакомство. Его улыбка, обещания вечные «у нас всё получится». Кафе на набережной – «Бриз» – он так гордился им. Говорил, что это только начало, что мы построим что-то большее.

Верила. Не лезла в дела, не проверяла финансы. Зачем? Он мужчина, он справится. А теперь – долг. И не одному Аргунову. Другие кредиторы, о которых я не знала. И где, спрашивается, доход от кафе?

Мысленно перебирала последние годы. Странные разговоры по телефону, когда он выходил из комнаты со словами: «Всё хорошо, любимая, не лезь». Бесконечные кредиты на улучшение: новое оборудование, ремонт, расширение.

Он брал. Но отдавал? Или делал вид, что отдавал?

Кажется, я долго закрывала глаза. А теперь плачу по его счетам. Хуже того, я сама стала счётом. В расписке стояла моя фамилия. Чёрная. Артём вписал именно её. Потому что продавал не «женщину мужа», а меня. Мирославу Чёрную. Ту, которая молчала все эти годы, потому что устала. Ту, которая перестала быть собой.

Почему я не ушла раньше?

Вопрос, который я задавала себе сама тысячу раз. Артём не бил. Не пил. Не унижал при людях. Он просто... отсутствовал. Физически – рядом, по телефону – вечно занят, дома – с пультом или ноутбуком. Он не делал мне больно. Артем не был монстром, от которого бегут без оглядки. Он просто забывал, что я существую. От таких не уходят. От таких устают. И я устала. Но любила его. Да, любила. Глупо, по-девичьи, вопреки здравому смыслу. Любила того мальчика, который клялся, что у нас всё будет.

А теперь...

Пальцы сжали бортик ещё сильнее.

И вспомнилось, как прошлым летом мы с Ольгой, моей подругой и стилистом в одном лице, которая добилась идеального цвета моих волос, зашли в ресторан на набережной. «Аргуновъ». Вывеска с ятем, старинный особняк, интерьер в стиле купеческого шика. Ольга тогда сказала: «Это место не для простых смертных. Здесь даже вино подают так, будто ты императрица».

Я смеялась. Ела мороженое, смотрела на люстры и лепнину. Не знала, что через год окажусь в доме владельца. Голая. В ванне. И он будет тереть мою спину мочалкой и целовать, не спрашивая.

Судьба оказалась жестокой шутницей.

Ольга знала всё. Работала с элитой города. Жёны, любовницы, дочери тех, кто правит бал. Все сидели в кресле ее салона, рассказывали, жаловались, хвастались. А Ольга слушала, запоминала и пересказывала мне беззлобно за кофе, как сплетни, которые не имеют ко мне никакого отношения.

Я кивала, пила капучино, смотрела в окно и не вслушивалась. Какое мне дело до порта, таможни, логистики? Какое мне дело до Аргунова?

Теперь обрывки тех разговоров всплывали в памяти, складываясь в картину. Его империя не только в ресторанах. Аргунов — это и есть тот самый порт, таможня, логистика. И, наверное, много того, о чём не пишут в новостях. Артём влез в его схемы. Проиграл. Продал меня.

Я ненавидела его. Аргунова. Но где-то на дне сознания шевелилась другая мысль: если бы не он, что было бы со мной? Другие кредиторы, те, кому Артём задолжал не меньше, чем Аргунову, они не стали бы церемониться. Они бы просто взяли. Не потому, что я им нужна. Потому что я — товар. Тело, которое можно использовать или продать.

Аргунов оказался первым. Или единственным, кто успел. Или его долг был самым крупным, и он имел право выбора. Или... я не знала. Могла только предполагать, додумывать, собирать мозаику из сплетен Ольги и того, что увидела своими глазами.

Он не спас меня из благородства. Не из жалости. Скорее, из выгоды. Или из... чего-то другого, чего пока не понимала.

Но сейчас я была голой. В чужой ванне, в чужом доме. И не сопротивлялась. Хотя нет, сопротивлялась. Ударила. Попыталась. Но до этого не двигалась. Позволила. Почему?

Страх парализовал? Или...

Нет. Не смей думать об этом.

Ладонями растёрла щёки. Слез не было, но внутри застыла тугая, колючая боль. Я сломаюсь? Нет. Не сейчас.

Но понимала, если не спущусь, он поднимется сам. Или пришлёт охрану. Или оставит голодной. Это меньшее, на что он способен. Правила его я не знала. Но опять же понимала: он их меняет по своему желанию. У него власть. У меня — только голова.

Если спущусь, увижу его. Сяду за один стол. Буду играть в вежливость, говорить то, что от меня хотят. Хотя вряд ли. Мой язык как помело, болтать я люблю. А тут сам бог велел: заговорить врага до смерти. Но еще я смогу разведать обстановку. Найти слабое место.

Я историк. Анализировать, сопоставлять факты, искать нестыковки. Может быть, сейчас это единственный навык, который хоть чего-то стоит.

Решила: пойду.

Прятаться глупо. Если сейчас останусь здесь, он уже победил. А последнее слово ещё не сказано.

Вылезла из ванны. Вытерлась и прошла в гардеробную.

Платьев оказалось много. Чёрное, как траур, не хотелось. Белое — символ невинности, которой уже не было. Красное — слишком вызывающее, не для первого вечера. Задача не эпатировать, а сохранить себя.

Синее. Как цвет моря в сумерках. Холодное, глубокое.

Отличный выбор! Село идеально: он не ошибся с размером. Посмотрела в зеркало. Волосы ещё мокрые, но расчесала их и подняла в хвост. Макияж? Только тушь, только губы. Красная помада. Как броня.

— Ну что, Мирослава, — сказала я отражению. — Пойдём и посмотрим в глаза твоему тюремщику.

Глава 11

Едва я ступила на первую ступеньку, мысли обрушились лавиной. Рваные, липкие, непрошенные, впившиеся под кожу, как заноза, которую не вытащить.

Что бы он сделал, не спустись я?

Вопрос застрял где-то в горле, комом, который не проглотить и не выкашлять. Стащил бы за руку? За шкурку? Водрузил за стол, как нашкодившего ребёнка, чтобы сидела смирно и не рыпалась? Или... наказал бы? Как? Отшлёпает? Прямо здесь, на лестнице? При всей охране, вкупе с горничной и экономкой? Или лишил бы ужина? Это меньшее из зол, на которое он способен.

Но Аргунов говорил, что насиловать не собирается. Сказал спокойно, буднично, словно обсуждал погоду. Но ведь может? У него власть. У меня только слова. А слова против силы, что щепки против цунами. И кто мне даст гарантию, что он не передумает?

Никто.

Следующая мысль прилетела раньше, чем я успела выдохнуть.

Эскортница — это только сопровождение или со всеми вытекающими?

Я никогда не задумывалась об этом раньше. Слышала, конечно. Краем уха, обрывками сплетен из салона Ольги, из новостей, из разговоров, которые пролетали мимо. Но не вникала. Не хотела. Считала, что меня это никогда не коснётся. А теперь судьба, та ещё шутница, издевательски тыкает носом: вот тебе, Мирослава, изучай матчасть на собственной шкуре.

Секс там за отдельную плату? По желанию клиента? По желанию девушки? Или... не спрашивают?

Боже.

Кто бы мог подумать, что меня когда-нибудь коснутся эти вопросы. Напрямую. Я — историк с красным дипломом, вынуждена сейчас думать о том, входит ли секс в джентльменский набор эскортницы. И сколько раз мне придётся об этом думать впереди.

Фамилия заиграла новыми красками. Тёмными. Глубокими, как тот самый омут, в который я смотрела, когда он стоял у окна в моей квартире. Чёрная — не только по паспорту. Чёрная — по роли, которую мне навязали, даже не спросив согласия. А душа — светлая. Или уже нет? Я сама не знала. Не хотела знать. Потому что если я сейчас начну копаться в себе, разревусь.

И вдруг, совершенно неожиданно, как удар под дых, пришло другое: облегчение. Тошнотворное, стыдное, но такое острое, что я на секунду остановилась на ступеньке, вцепившись в перила.

У меня нет детей.

Впервые в жизни я обрадовалась, что мы с Артёмом так и не стали родителями. Что бог не дал, или судьба не распорядилась, или моя вечная занятость работой и рефератами, которые я писала ночами, сыграли свою роль. Не важно. Что бы я делала сейчас? Как бы объяснила ребёнку, почему его отец — предатель, продавший жену в залог? Как бы смотрела в глаза сыну или дочери, зная, что меня... используют?

Нет. Не надо об этом. Не сейчас.

Я сделала глубокий вдох, настолько глубокий, что заболело в груди, и ступила на последнюю ступеньку.

Он уже стоял у подножия лестницы.

Ждал. Я опоздала. На пару минут. Но для него и пара минут — это уже неповиновение, мелкое, незначительное, но достаточное, чтобы запомнить. Я прочитала это в его тёмных,

немигающих глазах, изучающих меня с ног до головы, сантиметр за сантиметром, от подобранных в высокий хвост волос до босых ступней.

Туфли. Я забыла туфли.

Чёрт. Мысль мелькнула и погасла. Слишком поздно, возвращаться некогда, да и не надену я их уже. Босиком, так босиком. Во всяком случае, в синем платье и с красной помадой босые ноги смотрятся... вызывающе. Или эпатажно. Или просто глупо.

Ему, кажется, было всё равно. Он смотрел на платье. Я знала. Оценивал. Смаковал. Явно предвкушал этот момент, когда проверял готовность гардеробной. Интересно, он сам выбирал его? Или отдал приказ, и кто-то побежал выполнять, перебирая вешалки с вещами моего размера?

Мальчик, играющий в куклы, мелькнуло в голове. Только вот мальчик давно уже мужчина. Властный. Доминант. Привыкший, чтобы его приказы выполнялись без возражений. А я — живая кукла с настоящими чувствами и эмоциями. И ему это нравится. Живая кукла интереснее мёртвой. С нею можно спорить. Её можно ломать. А потом наблюдать, как она склеивает себя по кусочкам.

Он подал руку.

Я интуитивно вложила свои пальцы в его раскрытую ладонь. Тёплую. Шершавую. Мужскую. Он мягко сжал, поднёс к губам и поцеловал. Дольше, чем требовал этикет. Его губы оказались горячими. Дыхание жарким, почти обжигающим. Кожа на тыльной стороне ладони вспыхнула, и я едва удержалась, чтобы не отдёргнуть руку.

— Ты очень красивая, Мирослава.

Это не был комплимент в привычном смысле, не попытка сделать приятное, не ухаживание, даже не лесть. Это была констатация факта. Скупая, точная, как строчка в протоколе. И он не врал. Я и сама знала, что красива. За годы брака не «обабилась», как говорят в народе. Фигура осталась почти девичьей. Может быть, потому что детей не случилось? Господи, я снова об этом. Но сейчас, впервые за долгое время, я была рада их отсутствию. И не могла понять: это облегчение от того, что ребёнок не видит моего позора? Или просто очередная попытка оправдать свою бесплодность удобными обстоятельствами?

Я выдернула руку.

— Да, красивая. Всё соответствует вашим условиям, Даниил Романович. Кроме одного: молчать я не буду.

Он усмехнулся. Коротко, одними уголками губ: той самой усмешкой, от которой у нормальных людей кровь стынет в жилах. Но я уже привыкла. Или делала вид, что привыкла.

Аргунов повёл меня к столу.

Сервировка оказалась безупречной. Белая накрахмаленная скатерть, без единой складки. Хрусталь тяжёлый, дорогой, с гранями, которые ловили свет свечей. Белые свечи в высоких канделябрах. Два прибора. Напротив друг друга. Слишком близко для врагов. Слишком интимно для тюремщика и заложницы. Я почувствовала себя бабочкой, которую посадили на булавку и теперь рассматривают под лупой.

— Что ты знаешь об эскортницах, Мирослава? — спросил он, пододвигая мне бокал с вином.

Я не взяла.

— Сопровождение. Красивая девочка на руку богатому дядьке. Иногда, умный собеседник. Иногда, живой аксессуар.

— Не всегда, — он покачал головой, откинувшись на спинку стула. — Чаше — больше. То, что будет между нами, зависит от тебя. Но не совсем.

— То есть вы оставляете себе право передумать?

— Я оставляю себе право на всё, Мирослава.

— А я – право не молчать, — парировала я, сцепив пальцы под столом, чтобы он не видел, как они дрожат. — И право отказаться.

Он усмехнулся.

— Ты думаешь, у тебя есть право отказаться?

— А вы думаете, что нет?

— Посмотрим.

Он вдруг отодвинул тарелки. Спокойным, почти ленивым жестом сдвинул их к центру стола, освобождая пространство. Я не поняла зачем. И не спросила.

— Ты не игрушка, Мирослава, — сказал он. — Игрушки надоедают. А ты... вызов.

— А вы для меня – тюремщик, — ответила я. — И ничего больше.

— Пока.

Он смотрел на меня в упор немигающим, тяжёлым взглядом, от которого хотелось отвести глаза. Но я не отвела. Я была Чёрной. Мирославой Чёрной, которая не умела молчать и не собиралась сдаваться.

— Вы просто хотите меня трахнуть, — выплюнула я.

Голос дрожал от злости или от страха, я уже не различала.

— Как и все остальные. Только маскируете под заботу. Под «защиту». Под «ты не игрушка». Но суть одна. Вы купили меня. И теперь хотите пользоваться.

Тишина.

Он встал.

Я не пошевелилась. Не отодвинулась. Гордость не позволила. Или страх, сковавший тело. Аргунов обошёл стол. Встал за моей спиной. Положил руки на плечи. Пальцы оказались горячими, почти обжигающими, даже через ткань платья я чувствовала их жар.

— Ты хочешь знать, чего я хочу на самом деле?

Я промолчала.

Он наклонился. Губы коснулись шеи там, где бился пульс, где каждая секунда выдавала меня с головой. Я замерла, превратившись в камень. В статую. В ту самую куклу.

Поцелуй влажный, медленный, собственнический. Он спустился ниже, к плечу, к ложбинке на груди, оставляя за собой дорожку из мурашек.

Руки скользнули по талии. Он легко приподнял меня, будто я ничего не весила, и усадил на край стола. Свечи качнулись, хрусталь звякнул, и я на секунду испугалась, что бокалы упадут и разобьются. Глупо. Безумно. Среди всего этого кошмара думать о бокалах.

Я попыталась оттолкнуть его. Упёрлась ладонями в грудь, но он даже не шелохнулся. Перехватил мои запястья, прижал к столешнице по обе стороны от бёдер.

— Отпусти.

— Нет.

Его рука скользнула по бедру, задирая подол. Я хотела закричать, позвать на помощь, но звук застрял в горле, превратившись в беззвучный хрип.

Потому что тело...

Глава 12

Тело уже откликнулось.

Я почувствовала это раньше, чем осознала. Пульсирующий жар внизу живота. Влагу, которая выступила там, где не должна была. Низ живота сжался, пульсируя в такт его дыханию.

— Ненавижу тебя, — прошептала я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.